

Юлия Резник

**ЛЕКАРСТВО
ОТ ОДИНОЧЕСТВА**

Романтическая эротика

УДК 82-993
ББК 84-4
Р34

Р34 **Резник Ю.**
Лекарство от одиночества: Романтическая эротика / Юлия Резник – М.: Lennex Corp., — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 186 с.

ISBN 978-5-521-89722-3

– Это что? Такая глупая шутка? – холодно интересуется мой муж, отрывая взгляд от зажатого в руках конверта.

– Это просто ДНК-тест. Согласись, это ненормально, что каждый встречный-поперечный считает своим долгом усомниться в том, что Мишка – твой сын. Достало!

Наша ситуация была бы смешной, если бы не была такой грустной. Когда свекор в первый раз добавил к имени «Мишка» приставку «Япончик», мы только посмеялись, да. Но со временем нам стало не до смеха. Мишка рос, его отекшее в родах личико разглаживалось, а глазки так и оставались узкими.

– То есть ты хотела, чтобы я убедился в своем отцовстве? Так вот, Эль, здесь написано, что Мишка вовсе не мой сын.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89722-3

© Ю. Резник, 2025

Оглавление

Глава 1.....	5
Глава 2.....	11
Глава 3.....	18
Глава 4.....	25
Глава 5.....	31
Глава 6.....	38
Глава 7.....	45
Глава 8.....	52
Глава 9.....	59
Глава 10.....	65
Глава 11.....	71
Глава 12.....	78
Глава 13.....	85
Глава 14.....	91
Глава 15.....	98
Глава 16.....	104
Глава 17.....	111
Глава 18.....	118
Глава 19.....	124
Глава 20.....	131
Глава 21.....	138
Глава 22.....	145
Глава 23.....	153
Глава 24.....	160
Глава 25.....	166
Глава 26.....	173
Эпилог	180

Глава 1

– Это что? Такая глупая шутка? – холодно интересуется мой муж, отрывая взгляд от зажатого в руках конверта.

– То, что глупая, даже спорить не буду, – смеюсь в ответ. – Но почему сразу шутка, Юра?

– Ты что, надо мной издеваешься?!

С удивлением вглядываюсь в побелевшее любимое лицо. Внутри что-то екает. Будто беды предчувствие.

– Это просто ДНК-тест, – замечаю я непривычно дрожащим голосом. – Согласись, это ненормально, что каждый встречный-попечный считает своим долгом усомниться в том, что Мишка – твой сын. Достало!

Задетая Юркиной странной реакцией, отворачиваюсь к окну и, натянув рукава на вмиг озябшие пальцы, делаю несколько глубоких вдохов в безуспешной попытке вернуть себе хорошее настроение. У мужа юбилей, у нас куча гостей за стенкой... Не могу же я вернуться к ним с кислой рожей? К тому же Юру тоже можно понять. Наша ситуация была бы смешной, если бы не была такой грустной. Когда свекор в первый раз добавил к имени «Мишка» приставку «Япончик», мы только посмеялись, да. Но со временем нам стало не до смеха. Мишка рос, его отекавшее в родах личико разглаживалось, а глазки так и оставались узкими. Знали бы вы, какой простор для всяких шуточек и подколов это дало нашим близким! Да, их поддевки были незлобивыми на первый взгляд (вряд ли кто сомневался на самом деле в моей верности мужу), но когда одно и то же начало повторяться из раза в раз, в какой-то момент оно стало проблемой. Сначала для Юры, а потом, неизбежно, и для меня.

– То есть ты хотела, чтобы я убедился в своем отцовстве? – мертвым голосом переспрашивает именинник. Ответ очевиден, поэтому на вопрос мужа я лишь раздраженно веду плечом. Глупо все получилось. От своей выходки я ожидала совсем другого: что мы посмеемся и навсегда закроем для себя эту тему. Только что-то пошло не так. Юра молчит, очевидно, ожидая от меня каких-то оправданий, а я тупо не понимаю, почему должна оправдываться. Неужели

до него не доходит, сколько боли мне причиняло то, как настороженно он порой смотрел на Мишку?

– Так вот, Эль, здесь написано, что вероятность моего отцовства составляет ноль процентов.

– А? – оборачиваюсь, открыв рот.

– Если верить этой писульке – Миша не мой сын.

«Не мой сын... Не мой сын... Не мой сын», – эхом гремит в ушах. Сердце обрывается, летит в пятки и снова взмывает вверх, когда я понимаю, что Юра просто врет, чтобы проучить меня за «ужасную» выходку с тестом. Ну чего я, дуручка, напряглась? Мишка – результат ЭКО, вероятность ошибки полностью исключается. А уж в том, что я верна мужу, не о чем и говорить. Вот уже восемь счастливых лет для меня не существует других мужчин.

– Ну да, заливай, – хохочу я, подбегая к мужу и вешаясь ему на шею. – Какой же ты дурачок, Валов! Придумал ведь... И, главное, с таким серьезным видом задвигаешь мне эти бредни! Артист погорелого театра, блин.

И тут Юра как заорет:

– Да ты совсем, что ли, меня не слышишь?!

Абсолютно дезориентированная, гляжу на его перекошенное лицо. Вот я еще к нему прижимаюсь, а вот уже растекаюсь по стенке. Выходит, он меня оттолкнул? Оттолкнул... Мой Юра? Пришибленно касаюсь рукой гудящего затылка. В процессе я ударила голову. Ничего страшного. Кости черепа – самые твердые в организме. Но сам факт... Пытаюсь, и не могу осознать, не могу постигнуть всего ужаса, который с нами вот только что случился. Это что же такое происходит, а? Что с нами, мать его, происходит?

Пока я, как выброшенная на берег рыба, открываю и закрываю рот, в кухню заглядывает свекровь.

– Ну что вы тут застряли, голубки? Давайте-ка к гостям! Там Бутенко приехал. Говорит, чуть не сорвалось все. Какая-то проверка нагрянула, – тараторит она, но вдруг почувствовав сгустившееся напряжение, осекается и уже не так весело интересуется: – У вас все нормально?

Нет. Нет... Мои нервы сдают, с губ срывается странный булькающий звук. То ли всхлип, то ли смех – так сразу и не разберешь.

Глаза Веры Павловны, которую я по давней традиции зову мамой, заполоняет тревога. Я не знаю, как в эти глаза смотреть, как объяснить, и надо ли? Ведь наверняка случилась какая-то чудовищная ошибка! Да, правильно. Не нужно спешить. Мы с Юрой разберемся не сегодня так завтра, а старики будут только зря переживать.

– Конечно, нормально. Пойду встречу Жорку.

Юра уходит так быстро, что меня обдаёт ветерком. Уходит, не извинившись, как будто это нормально – швырять меня вот так.

– Элечка...

– Все нормально, мам. Вы идите. Я сейчас тоже приду, только мясо проверю, ладно? – жалобно прошу я.

– Да-да, конечно. Но если Юрка тебя обидел – только скажи. Я ему быстро надеру уши. И папе наябедничаю! Юрка отца с детства до трясушки боится, ты знала? – заговаривает мне зубы свекровь, обхватив щеки сухонькими ладошками. Вымученно улыбаясь, прижимаюсь к ее лбу своим. Мама гладит меня по спадающим на спину волосам, как ребенка. В детстве этого было достаточно, чтобы преодолеть любую проблему. Вот бы и сейчас так...

– Мясо сгорит, – лепечу я, отстраняясь. Свекровь бормочет что-то успокаивающее и, наконец, оставляет меня одну. Через стеклянное полотно двери наблюдаю за тем, как она перехватывает и уводит прочь заплутавшего в лабиринтах нашего дома гостя. Мне не становится лучше от такой деликатности. Даже напротив. Чтобы не заплакать, заставляю себя сосредоточиться на дыхании. Мои наполненные паникой мысли разбавляет сладкая мысль о том, что нам с Юрой очень повезло с родителями. Назло всем анекдотам и сложившимся в народе стереотипам, мы как-то очень быстро нашли общий язык и стали по-настоящему родными. У нас даже есть общий чат в Телеграм... Да и то, что мы уже столько лет живем с его родителями, что-то да значит.

Обхватив себя за предплечья, отворачиваюсь к окну, за которым до самого горизонта простирается синее море. Жаль, холодно еще. Не помедитируешь, раскинувшись звездой на волнах. Помню, когда у нас с Юркой не получалось забеременеть, я только морем себя и спасала. Вода смывала с глаз соль отчаяния, приводила в порядок мысли и шумела в ушах: «Все будет хорошо».

Взгляд цепляется за брошенный на подоконнике результат теста. Я была до того уверена в его положительном результате, что даже не посчитала нужным заглянуть внутрь, перед тем как показать его Юре... А тут, да. Ноль процентов. Ноль. И хрен с ним, казалось бы. Ясно же, что имеет место какая-то чудовищная ошибка, но, боже мой, как обидно! Как он мог так со мной поступить?

Звуки набирающего обороты веселья вдруг резко становятся громче и снова стихают. Разворачиваюсь к двери.

– Элька, у тебя тут что-то горит! – басит Бутенко.

– Ох ты ж черт! – бросаюсь к духовке, дергаю на себя дверцу и тут же отпатываюсь, чуть не обварив лицо столбом вырвавшегося из нее пара. – Ай!

– Ну, е-мое, Эльвира Валерьевна! – бросается меня спасать Георгий Борисович. В обычной жизни Бутенко зовет меня, как и все друзья, Элей, а вот я так и не смогла себя переломить.

– Нет-нет. Я сама. А вы, доктор, поберегите свои драгоценные руки. – Отпихиваю Бутенко бедром. У меня хоть силиконовые прихватки имеются. А у Борисыча – только не слишком надежная защита в виде сложенного в несколько слоёв полотенца.

Вынимаю противень. Ставлю на заранее приготовленную подставку. Пальцы дрожат. То ли от напряжения, то ли от нервов. Понимаю, что Бутенко это тоже заметил. И, наверное, порадовался, что я в декрете. Ведь в операционной с таким тремором даже обычной медсестре вроде меня делать нечего.

По какой-то нелепой причине мне становится ужасно стыдно. Я с Бутенко-то и не работала толком. Пару месяцев, когда мне после четвертого курса меда повезло попасть на практику в его отделение, вряд ли можно принимать во внимание. Потому что уже в конце августа я попала под машину, загремела в травму, еле выжила (спасибо Юре), а потом по закону жанра влюбилась в своего спасителя и выскочила за него замуж. Да и кто бы на моем месте в него не влюбился? Молодой, красивый, талантливый... На него облизывались все медсёстры и пациентки в возрасте от пяти до ста. Мне казалось чудом, что среди такого многообразия выбора он выделил меня. И, наверное, неудивительно, что мне как-то сразу вдруг ста-

ло не до учебы. То реабилитация, то Юркина стажировка в Японии (то, что я поеду с мужем, подразумевалось само собой), то попытки зачать. Со временем академ, который я взяла на год по здоровью, отодвинулся сначала на два, потом на три, а потом меня до того затянула рутина, что мечты выучиться на врача так и остались мечтами. Я работала операционной медсестрой при муже, пыталась забеременеть, и чем больше времени проходило, тем призрачней становился шанс вырваться из этого замкнутого круга. Даже родители, для которых то, что я не доучилась, стало трагедией, постепенно смирились. И лишь Георгий Борисович нет-нет да и спрашивал, не надумала ли я восстановиться. Смешно. В двадцать восемь лет?!

С грохотом открываю ящик, достаю шикарное блюдо из китайского фарфора и принимаюсь выкладывать на него мясо.

— Любовь Павловна хотела на горячее подавать камбалу. А я чего-то от нее устала. Почему так? Только сезон ведь начался... — тараторю я, чтобы не молчать. И тут ловлю краем глаза какое-то движение. Ломоть свинины падает с лопатки на стол. Я бросаюсь к Бутенко и выдерживаю из его рук злосчастную бумажку.

— Кхм, — как мне кажется, смущенно откашливается тот и ведет широкой пятерней по затылку. — Не думал, что это что-то конфиденциальное.

Я сухо киваю. Сгибаю злосчастную бумагу в несколько раз и сую в карман брюк. Щеки мучительно горят. Перед глазами взмывают только вот осевшие точки.

— Это просто шутка. Не берите в голову.

— Эля...

— Пойдемте уже к гостям? Поможете донести? Я еще хотела достать кимчи.

— Да, да, конечно, — хмурится Георгий Борисович. Послушно забирает блюдо с мясом из моих рук и, смерив меня еще одним странным взглядом, выходит. Боже мой! Что он обо мне подумал?! Вот что?

Я бы, может, расплакалась от бессилия, если бы в этот момент в кухню не примчался Мишка.

— Мама, а когда мы будем задувать толт?!

Ловлю маленький ураган. Подхватываю на руки и с наслаждени-

ем зарываюсь носом в темненькие волосики. Темненькие... А у меня и Юры волосы русые. У меня самые обычные, с легким отливом в рыжину. У мужа – благородного пепельного оттенка. Ловлю себя на этой мысли и сильнее сжимаю в руках сынишку. Мишка забавно пыхтит.

– Задувают не торт, а свечи.

– Все лавно. Когда? Давай сицас?

Мишка обожает задувать свечи. Прямо какой-то пунктик у него по этому поводу. Чей бы день рождения мы не праздновали – свечи задувает он. А если нет – жди истерику. Зная об этой его особенности, наши друзья выкручиваются таким образом: договариваются с Мишкой, что первым все-таки свечи будет задувать именинник, а потом зажигают их же по второму кругу, но уже специально для нашего медвежонка.

Смотрю в темные раскосые глазки и чувствую, как на меня накачивается такая чудовищная вина перед ним, что я задыхаюсь. Хотя в чем я виновата, если так разобратсья?

– Давай сейчас, – киваю. – Ты возьми вот эту тарелочку, а я возьму торт. Донесешь? Не рассыплешь?

– Нет.

Достаю торт. Вставляю свечи. Тройка соседствует с пятеркой. Юре тридцать пять. Он самый молодой кандидат медицинских наук у нас в отделении. Я им страшно горжусь. И люблю его страшно.

– Ну что, пойдём? – осторожно подхватываю поднос.

– Угу.

– Споем папе песенку?

Мишка так активно трясет головешкой, что несколько лепестков капусты ляпают на пол.

– Ой!

– Ничего, я потом уберу.

С тортом наперевес вливаем в гостиную.

– Хэппи бёздей ту ю. Хэппи бёздей ту ю.

Мама со свекровью вскакивают из-за стола и, перекидываясь шуточками с гостями, начинают освобождать место под торт. Отовсюду слышится: